

ПРАВО

Научная статья

УДК 343.85

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-3/106-116>

АНТИКРИМИНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ

Виталий Анатольевич Номоконов

Дальневосточный федеральный университет

Владивосток, Россия, nomokonov@gambler.ru

Аннотация. Низкая эффективность традиционных силовых вариантов решения проблемы преступности определяет необходимость поиска более широкого государственного подхода, разработки основ целостной антикриминальной политики. Цель данного исследования заключается в определении методологических и нравственных основ государственного воздействия на преступность. В авторском подходе уголовная политика представлена как важный, но всё же не главный, а подчинённый элемент антикриминальной политики. Исследован аспект, связанный, в частности, с духовно-нравственным наполнением политики в области борьбы с преступностью: воздействие на преступность должно иметь нравственное измерение, средства противодействия должны быть нравственными, а эффективность определяться, помимо прочего, степенью нравственного же воздействия на сознание граждан – как преступивших уголовный закон, так и всех остальных, включая потерпевших. Немаловажное значение должна иметь и нравственная «цена» воздействия на преступность, системы наказаний и её отдельных видов. Автор приходит к выводу, что не только российской, но и зарубежной политике в области противодействия преступности следует измениться радикально, повернуться в сторону всемерного содействия гармонизации общественной жизни, устранения причин возникающих конфликтов, снижения остроты социальных контрастов, обеспечения баланса интересов личности, общества и государства, социальной солидарности. Тенденции, происходящие в антикриминальной политике сегодня, могут иметь негативные, в том числе нравственные, последствия как для страны в целом, так и

для каждого отдельного гражданина. Задача криминологов – видеть возможные криминальные последствия и предупреждать общество об их угрозе.

Ключевые слова: уголовная политика, антикриминальная политика, методологические основы уголовного права, нравственные основы политики

Для цитирования. Номоконов В. А. Антикриминальная политика: методологические и нравственные основы // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 106–116.

LAW

Original article

ANTI-CRIMINAL POLICY: METHODOLOGICAL AND MORAL FOUNDATIONS

Vitals Anatolyevich Nomokonov

Professor of the Department of Criminal Law and Criminology Federal University,

Doctor of Law, Professor

Vladivostok, Russia, nomokonov@rambler.ru

Abstract. The low efficiency of traditional power options for solving the crime problem determines the need to search for a broader state approach, to develop the foundations of a holistic anti-criminal policy. The purpose of this study is to determine the methodological and moral foundations of state influence on crime. In the author's approach, criminal policy is presented as an important, but still not the main, but a subordinate element of anti-criminal policy. The aspect is investigated, in particular, related to the spiritual and moral content of the policy in the field of combating crime: the impact on crime should have a moral dimension, the means of counteraction should be moral, and the effectiveness is determined, among other things, by the degree of moral impact on the consciousness of citizens - both those who have violated the criminal law and all others, including victims. The moral "price" of the impact on crime, the system of punishments and its individual types should also be of great importance.

The author comes to the conclusion that not only Russian, but also foreign policy in the field of combating crime should change radically, turn towards all-round assistance in harmonizing public life, eliminating the causes of emerging conflicts, reducing the severity of social contrasts, ensuring a balance of interests of the individual, society and the state, social solidarity. The trends taking place in the anti-criminal policy today can have negative, including moral, consequences both for the country as a whole and for each in-

dividual citizen. The task of criminologists is to see possible criminal consequences and warn society about their threat.

Keywords: criminal policy, anti-criminal policy, methodological foundations of criminal law, moral foundations of politics

For citation Nomokonov V. A. Anti-criminal policy: methodological and moral foundations // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 3. P. 106–116.

Проблема нравственных начал уголовного права и уголовной политики в последнее время стала привлекать всё больше внимания [1; 2]. В конце 2022 г. в Институте сравнительного правоведения и законодательства при Правительстве РФ в рамках научных чтений, посвящённых памяти М. Н. Гернета, состоялось обсуждение проблемы нравственных основ уголовной политики. И хотя был рассмотрен довольно широкий круг вопросов, один из них, на наш взгляд, требовал особого подхода. В области государственного воздействия на преступность возможны две противоположные модели, которые можно обозначить условно как «репрессивно-силовая» и «гуманно-гармоничная». Первая модель является традиционной. Суть её – в опоре на различные варианты государственного принуждения к законопослушному поведению. Она возникла изначально и со временем модифицируется под влиянием тех или иных политических решений. Криминологические исследования показывают прямую зависимость состояния и динамики преступности не столько от хорошей или плохой работы правоохранительных органов, сколько от своеобразия причинного комплекса преступности. Исторически более перспективной представляется гуманно-гармоничная модель, акцентированная на решение социально-гуманитарных проблем в целях минимизирования криминогенных факторов. Однако реальная антикриминальная политика многих государств, в том числе и России, всё же пока мало опирается на эту модель.

Какой быть антикриминальной политике сегодня? Ответ на этот вопрос возможен, в двух основных аспектах: в аспекте цифровизации, информационных технологий. Это очень важный вопрос, и он сейчас широко обсуждается. Но не менее значим и другой аспект, который пока остаётся как бы в тени: каким должно быть духовно-нравственное наполнение этой политики.

Всё большим числом специалистов в области уголовного права и криминологии в мире делается вывод о неэффективности государственного противодействия преступности. Человечество давно и безрезультатно борется с наркоманией, алкоголизмом, коррупцией и другими социальными девиациями. О кризисе наказания как традиционного способа уголовно-правового воздействия уже не говорит только ленивый. Мы снова возвращаемся к поиску ответа на вопрос: какой быть антикриминальной политике. Это должна быть война, борьба, противодействие или кон-

троль? В разное время разные специалисты по-разному отвечали и отвечают на этот вопрос. Характер ответа зависит от того содержания, которое вкладывается в эту политику.

Традиционно политика в области борьбы с преступностью ассоциируется с уголовной политикой, включающей в себя уголовно-правовую, криминологическую, уголовно-процессуальную и уголовно-исполнительную политику [3–5]. Хорошо известно, что преступность есть следствие системной деформации как социума, так и отдельных индивидов. Поэтому и воздействие на преступность также должно носить системный характер и включать в себя не только правовые и специально-криминологические, но и политические, организационные, экономические и идеологические меры. Поэтому, вероятно, назрела необходимость обоснования более широкого государственного подхода, разработки основ целостной антикриминальной политики [6, с. 18–26]. При таком подходе уголовная политика может быть представлена как важный, но всё же не главный, а подчинённый элемент антикриминальной политики. До сего дня это, на наш взгляд, пока не сделано.

В широком значении криминологическая политика совпадает с антикриминальной социальной политикой, включает так называемые общесоциальные меры: политические, правовые (правовую политику: конституционные, административные, гражданско-правовые меры), организационные, экономические, социально-культурные, идеологические, образовательно-воспитательные (педагогические), психологические, религиозные.

Общесоциальные меры, по существу, есть меры *не столько против* преступности, сколько «за» утверждение законопослушного ответственного поведения, достойного духовно-нравственного облика граждан. Лучшая профилактика преступности – внедрение и закрепление позитивных факторов, направленных на всестороннее физическое, духовное и материальное развитие населения вообще и каждого гражданина в частности. Преступные варианты поведения замещаются, вытесняются как из сознания, так и реального поведения. Адекватная оптимальная социальная политика государства есть, в то же время, лучшая антикриминальная политика.

Изучение проблемы антикриминальной политики в широком социальном контексте показывает недостаточность традиционных подходов и, соответственно, необходимость более глубокого погружения в предмет с точки зрения существенных характеристик самой политики и её объекта – преступности.

Антикриминальная политика имеет своим объектом преступность как негативное социальное явление, образованное массой совершаемых преступлений – деяний, выделенных уголовным кодексом из других вредоносных проступков по признаку их повышенной общественной опасности, а также их авторов – виновных лиц и (или) их объединений. Но остаётся вопрос, который криминологи вольно или не-

вольно обходят: а в чём сущность, главная, коренная, особенность преступлений? Часто под ней понимают общественную опасность – причинение преступлениями реального или возможного вреда обществу или личности. Опасными, как известно, могут быть действия малолетних, невменяемых, стихийных сил природы и т.п. Представляется, что любое преступление обладает свойством не только причинять физический, имущественный или политический вред, оно всегда есть *нравственное зло* [7]. Не зря К. Маркс называл преступность нравственной физиономией общества. Но отсюда вытекает важный вывод: если проблема преступности – это прежде всего нравственная проблема, то её *решение также должно находиться главным образом в нравственной же плоскости*. То есть воздействие на преступность должно иметь нравственное измерение, средства противодействия должны быть нравственными, а эффективность определяться, помимо прочего, степенью нравственного же воздействия на сознание граждан – как преступивших уголовный закон, так и всех остальных, включая потерпевших. Немаловажное значение должна иметь и нравственная «цена» воздействия на преступность, системы наказаний и её отдельных видов.

Сегодня в мире явно доминируют две основные тенденции с противоположными векторами – рост технологического могущества и духовно-нравственная деградация. Нынешняя преступность виртуализировалась (цифровизация, роботизация, чипизация). Из двух миллионов преступлений, которые регистрируются в стране, четвертая их часть сегодня совершается с использованием компьютерных технологий. Это порождает проблему повышения уровня цифровой грамотности и технологий противодействия преступности. Но пока остаётся без должного внимания другая, не менее, серьёзная проблема – общая духовно-нравственная деградация людей. Рост технической мощи человечества никак не увязан с адекватной идеологией и нравственностью, способствующей задаче выживания в будущем.

Сегодня Россия переживает острый кризис, который затрагивает буквально все сферы жизни общества и также отражается на состоянии общественной морали. В числе наиболее острых явлений, ослабляющих потенциал гуманизма современной России, по мнению экспертов, включаются: резкая социальная поляризация российского общества; массовая застойная бедность и нищета подавляющей части российского населения; кредитная зависимость значительной части населения от крупных финансовых организаций; фактическая коммерциализация многих фундаментальных прав человека; демонтаж или деградация систем социальной поддержки населения (детей, пенсионеров и др.); депопуляция населения и деградация национального здоровья; массовая безработица, особенно в сельской местности и малых городах; социальная маргинализация молодежи; идеологическая и нравственная дезориентация и профанизация населения с помощью СМИ; политическое отчуждение власти от народа, коррупция чиновников, фактическое свертывание

демократии и обратной связи власти с народом [8, с. 138]. Добавим к перечисленному также явно неадекватную антикриминальную политику. В наше очень непростое время, которое переживает страна, важно определить, какую роль в противодействии преступности играет или должна играть антикриминальная политика. Сегодня явственно ощутима тенденция применения неправовых методов, чрезмерная криминализация деяний, расширение сферы судейского усмотрения, наличие коррупциогенных норм в УК РФ и т.д.

На наш взгляд, в критическом переосмыслении нуждается устоявшееся упование на всемогущество силовых вариантов в решении социальных проблем, включая преступность. Призывы к войне с преступностью, усилению борьбы с ней по мнению проф. С. С. Босхолова, ставят перед органами уголовной юстиции, государством и обществом несодержательную цель. Всякий призыв к войне с преступностью, означает призыв к насилию и жестокости. Между тем насилие в ответ порождает только насилие, а жестокость – только жестокость [9]. В этом плане репрессивно-силовая модель воздействия на преступность лишена исторической перспективы и требует поиска альтернативных вариантов решения проблемы.

Полагаем, что пора согласиться с теоретиками права в том, что насилие следует понимать как несправедливое принуждение. Принуждение же, исходящее от власти на справедливых основаниях, не должно расцениваться как насилие. Понятия «принуждение» и «насилие» имеют разную смысловую нагрузку. Насилие характеризует диктаторскую сторону государственной деятельности и отличается более высокой степенью подавления воли [10, с. 42–43].

В философии на необходимость четкого понятийного различения действий, опосредствованных применением разного рода принуждения, в том числе физической силы, и в частности насилия, специально указал И. А. Ильин. Он рассматривал «насилие» как явление более узкое, чем «заставление» или «принуждение». Насилие представляет собой предосудительное заставление, исходящее из злой души и направленное на зло. Не всякое заставление, даже предполагающее применение силы, является злом. Если заставлением человеку причиняется зло или он понуждается ко злу, или он необоснованно понижается в правах или беспричинно (с его стороны) унижается в достоинстве, то оно насильственно [11].

Всякое насилие есть проявление не столько силы, сколько, наоборот, слабости. Давно известно, что государство сильно «сознательностью масс» – их сплочённостью, высокой нравственностью и единой идеологией. Когда общество раздирают противоречия и конфликты, государство прибегает к насилию, чтобы добиться послушания. Ещё Сократ утверждал, что насилие идет от слабости, а не от силы; нужна определенная доля смелости и мудрости, чтобы отказаться от него [12, с. 23].

Я. И. Гишинский верно замечает, что требуются новое мышление и новая политика, основывающиеся на понимании того, что, во-первых, противоречия интересов (обществ и государств, социальных групп и индивидов) и социальные конфликты неизбежны; во-вторых, способы разрешения конфликта должны носить ненасильственный характер; при этом; в-третьих, неизбежны компромиссы; следовательно, в-четвертых, для этого должны быть созданы механизмы, социальные организации по выработке компромиссных, ненасильственных средств и способов разрешения, постоянно возникающих конфликтов. Но для этого в мире должны победить представления о приоритете общечеловеческих ценностей и интересов (по сравнению с национальными, классовыми, религиозными и любыми другими), об абсолютной ценности каждой человеческой жизни, толерантности, терпимости как благе, о насилии как абсолютном зле [13].

Известный американский исследователь, врач-психиатр Д. Хокинс, на обширном практическом и теоретическом материале пришёл к выводу, что самую могущественную силу представляет собой простая доброта к себе и всему сущему. Сила всегда ассоциируется с тем, что выступает в поддержку жизни. Она вызывает к благородному началу в человеке в противоположность насилию, которое обращается к тому, что мы называем грубыми энергиями. Сила стремится к тому, что возвышает и делает человека достойным – к благородству. Насилие отождествляется им с ущербностью, а сила – с целостностью и совершенством. Насилие всегда порождает силу противодействия; его влияние заключается в том, чтобы разделять, а не объединять. Разделение всегда подразумевает конфликт, поэтому его цена бывает очень высокой. Если сила вызывает к нашей высшей природе, то насилие обращается к низменным инстинктам. Оно ограничено, сила же не имеет границ. Духовность всегда сопровождается отсутствием насилия [14].

Представляется, что не только российской, но и зарубежной политике в области противодействия преступности следует измениться радикально, повернуться в сторону всемерного содействия гармонизации общественной жизни, устранения причин возникающих конфликтов, снижения остроты социальных контрастов, обеспечения баланса интересов личности, общества и государства, социальной солидарности.

Д. Андреев в «Розе мира» пришёл к выводу, что «насилие может быть признано годным лишь в меру крайней необходимости, только в смягчённых формах и лишь до тех пор, пока наивысшая инстанция путём усовершенствованного воспитания не подготовит человечество при помощи миллионов высокоинтеллектуальных умов и воли к замене принуждения – добровольностью, окриков внешнего закона – голосом глубокой совести, а государства – братством». И далее: «нужно понимание недугов человеческой души и правильное понятие о способах их устранения. Вошедшее в плоть и кровь представление о ценности человеческой личности и о дол-

ге судьи-врачевателя будет стимулировать предельно осторожный, бережный, теплый подход к подсудимому. Потому что на него утвердится взгляд как на больного, доступного лечению, не обязательно больного в современном психиатрическом смысле, а больного в смысле поврежденности этической структуры души. Роль таких судебных деятелей невозможно переоценить: это спасители человеческих душ, и человечество нуждается в них не менее, чем во врачах, педагогах и священниках. Смягчится шкала наказаний, и сам принцип наказания начнет уступать место принципу врачевания преступника», чтобы «карательная система» (до чего гнусно одно уже это выражение!) превратилась в систему излечения» [15, с. 15, 349–350]. Это всё писал человек, находившийся в сталинском лагере!

Разумеется, говоря о недопустимости преувеличения роли принудительных методов обеспечения общественной безопасности, о повышении степени терпимости общества к отклоняющемуся поведению, надо видеть и определённую границу, порог, черту, за которую нельзя переступать, чтобы не нарушить хрупкий баланс между правами человека и интересами общественной безопасности.

Криминологи давно увидели связь преступного поведения с феноменом так называемого отчуждения. Отстранённость от общества, других людей, собственности и даже нередко от собственной личности лежит в основе такого поведения [16]. Вот этот разрыв органической связи личности с социумом травмирует и деформирует её, делает человека несчастным и ущербным.

Любое преступление (и всегда) – *это не только вина, но и беда*, драматическая ошибка лица (или как исключение – государства) в выборе жизненного пути или конкретного варианта поведения. Но как добиться осознания этого самим виновным? Как добиться покаяния, без которого остаётся высокой вероятностью повторения подобной ошибки?

Человек идёт на нарушение норм морали и права в попытках компенсировать собственную внезапно возникшую или хроническую, социальную, психологическую, моральную, психическую или даже физическую *неадекватность* (ущербность). Возникают две основные мотивации – агрессия и/или корысть. Агрессия позволяет как бы возвыситься самому за счёт ближнего – унижения потерпевшего и/или насилия над ним. Корысть заключается в стремлении к личной имущественной выгоде, присвоении чужого, получении незаслуженного/незаконного преимущества, то есть подняться над другими (или даже всеми) в материальном плане. И первая и вторая мотивации возможны постольку, поскольку другие люди воспринимаются лишь как средства для достижения своих целей.

Возможно, для формирования принципиально новой концепции антикриминальной политики в целом был бы полезен так называемый синергетический подход. Синергетические представления, в частности, позволяют объяснить, почему нередко очень сильное внешнее воздействие на систему оказывается гораздо менее

эффективным, чем в тысячи раз более слабое, и наоборот. Согласно традиционным подходам, управляющее воздействие на что-либо зависит главным образом от величины затраченных энергии и усилий. Но на самом деле оно должно быть не столько сильным, сколько резонансным, то есть в максимальной степени согласованным со свойствами управляемой системы. Как известно, стремление к предельной управляемости, централизации, насильственной переделке всего и вся уже привели в своё время наше общество к глубочайшему кризису. Усилия правящей власти оказались тщетными, так как шли вразрез с собственными тенденциями саморазвития общества. В этом плане одна из самых важных задач государства – найти те «болевы точки» социального организма, воздействие на которые максимально способствовало бы нравственному оздоровлению и социальному прогрессу общества, более успешному противодействию преступности.

Надо понимать: тенденции, происходящие в антикриминальной политике сегодня, могут иметь негативные, в том числе нравственные, последствия как для страны в целом, так и для каждого отдельного гражданина. Задача криминологов – видеть возможные криминальные последствия и предупреждать общество об их угрозе.

Список источников

1. Голик Ю. В. Философия, нравственность, борьба с преступностью // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 12. С. 5–13.
2. Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс / под общ. ред. А. Н. Савенкова; науч. ред. А. И. Чучаев. Т. 1. М., 2022. 728 с.
3. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной политики. М., 2018. 296 с.
4. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019. 352 с.
5. Третьяков И. Л. Уголовная политика современной России. СПб., 2017. 413 с.
6. Нудель С. Л. Тенденции современной российской уголовной политики в контексте криминализации // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27 (1–4), № 1. С. 18–26.
7. Александров А. И. Философия зла и философия преступности. СПб., 2020. 484 с.
8. Поломошнов А. Ф., Поломошнов П. А. Судьба гуманизма в XXI веке. Персиановский: Донской ГАУ, 2021. 155 с.
9. Босхолов С. С. Основы уголовной политики. М., 1999. 293 с.
10. Чашников В. А., Фалькина Т. Ю. О соотношении понятий «принуждение» и «насилие» // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 1. С. 41–43.
11. Опыт ненасилия в XX столетии. М.: Аслан, 1996. 288 с.

12. Конухова А.В. Ненасилие как идеал и принцип человеческого бытия: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2014. 181 с.
13. Гишинский Я. И. Социальное насилие. СПб., 2017. 280 с.
14. Хокинс Д. Сила против насилия. СПб., 2010. 303 с.
15. Андреев Д. Роза мира. М., 1991. 286 с.
16. Антонян Ю. М. Психологическое отчуждение и преступность. М., 1987. 202 с.

References

1. Golik Yu. V. *Filosofiya, npravstvennost', bor'ba s prestupnost'yu* [Philosophy, morality, fight against crime]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2021, vol. 25, no. 12, pp. 5–13. (In Russ.).
2. Savenkova A. N. (gen. ed.), Chuchaev A. I. (sci. ed.). *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii: problemnyi kurs* [Criminal law of the Russian Federation: problem course]. Vol. 1. Moscow, 2022. 728 p. (In Russ.).
3. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. *Problemy rossiiskoi ugolovnoi politiki* [Problems of Russian criminal policy]. M., 2018. 296 p. (In Russ.).
4. Korobeev A. I. *Ugolovno-pravovaya politika Rossii: ot genezisa do krizisa* [Criminal law policy of Russia: from genesis to crisis]. Moscow, 2019. 352 p. (In Russ.).
5. Tretyakov I. L. *Ugolovnaya politika sovremennoi Rossii* [Criminal policy of modern Russia]. St. Petersburg, 2017. 413 p. (In Russ.).
6. Nudel S. L. *Tendentsii sovremennoi rossiiskoi ugolovnoi politiki v kontekste kriminalizatsii* [Trends in modern Russian criminal policy in the context of criminalization]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*, 2019, vol. 27 (1–4), no. 1, pp. 18–26. (In Russ.).
7. Alexandrov A. I. *Filosofiya zla i filosofiya prestupnosti* [Philosophy of evil and the philosophy of crime]. St. Petersburg, 2020. 484 p. (In Russ.).
8. Polomoshnov A.F., Polomoshnov P. A. *Sud'ba gumanizma v KhKh1 veke* [The fate of humanism in the xx1 century]. *Persianovskii: Donskoi GAU Publ.*, 2021. 155 p. (In Russ.).
9. Boskholov S. S. *Osnovy ugolovnoi politiki* [Fundamentals of criminal policy]. Moscow, 1999. 293 p. (In Russ.).
10. Chashnikov V. A., Falkina T. Yu. *O sootnoshenii ponyatii "prinuzhdenie" i "nasilie"* [On the ratio of the concepts of "coercion" and "violence"]. 2015. No. 1. P. 41–43. (In Russ.).
11. *The experience of non-violence in the twentieth century*. Moscow: Aslan, 1996. 288 p. (In Russ.).
12. Konukhova A. V. *Nenasilie kak ideal i printsip chelovecheskogo bytiya: sotsial'no-filosofskii analiz* [Non-violence as the ideal and principle of human existence: socio-philosophical analysis]. Cand. Dis. (Philos. Sci.). Krasnoyarsk, 2014. 181 p. (In Russ.).

13. Gilinsky Y. I. Sotsial'noe nasilie [Social violence]. St. Petersburg, 2017. 280 p. (In Russ.).
14. Hawkins D. Sila protiv nasiliya [Strength against violence]. St. Petersburg, 2010. 303 p. (In Russ.).
15. Andreev D. Roza mira [Rosa of the World]. Moscow, 1991. 286 p. (In Russ.).
16. Antonyan Yu. M. Psikhologicheskoe otchuzhdenie i prestupnost' [Psychological alienation and crime]. Moscow, 1987. 202 p. (In Russ.).

Информация об авторе

В. А. Номоконов – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Information about the author

V. A. Nomokonov – Doctor of Law, Professor of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Статья поступила в редакцию 08.06.2023; одобрена после рецензирования 08.07.2023; принята к публикации 11.07.2023.

The article was submitted 08.06.2023; approved after reviewing 08.07.2023; accepted for publication 11.07.2023.